

12+

Искандер Арысов

Первый пёс

Проект «Сингулярность
Арысова»

Искандер Арысов

**Первый пёс. Проект
«Сингулярность Арысова»**

«Издательские решения»

Арысов И.

Первый пёс. Проект «Сингулярность Арысова» / И. Арысов —
«Издательские решения»,

Москва, биологический факультет МГУ. Аспирантка Анна Соболева обнаруживает в древней ДНК из алтайской пещеры последовательность, не принадлежащую ни волку, ни собаке. Это след вымершей линии, которая 40 000 лет назад первой решилась подойти к человеческому костру. Вместе с коллегами — археологом, зоопсихологом и этологом — Анна погружается в палеогеномику, споры об окситоцине и тайны одомашнивания, чтобы понять, как рождалась первая дружба между видами.

© Арысов И.

© Издательские решения

Содержание

Пролог: Ген, переживший лёд	6
Часть первая: Дивергенция	8
Глава 1. Мороз и молодые учёные	8
Глава 2. Последний ледниковый максимум — и наши дни	10
Глава 3. Лаборатория №407 и спор о мутациях	12
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Первый пёс Проект «Сингулярность Арысова»

Искандер Арысов

© Искандер Арысов, 2026

ISBN 978-5-0070-7318-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог: Ген, переживший лёд

Москва, биологический факультет МГУ, декабрь. За окнами лаборатории №407 — метель. Снег бьёт в стекло с такой силой, будто тысяча лет пытаются прорваться внутрь.

Анна Соболева, двадцать три года, аспирантка кафедры генетики, сняла очки и потёрла переносицу. На мониторе светилась последовательность — митохондриальная ДНК, которую она только что вытащила из базы данных GenBank. Образец: «Разбойничья Алтайская»

— Не может быть, — прошептала она.

Последовательность не укладывалась ни в одну известную кладу. Ни волк, ни собака. Что-то третье. Ветвь, которая оборвалась тридцать три тысячелетия назад, но оставила след в геноме, словно призрак, отказавшийся уходить.

— Что там, Аня? — спросил Андрей Волков, палеозоолог, возникший на пороге с двумя стаканчиками кофе из автомата в коридоре. Пар от кофе смешивался с паром от дыхания — в лаборатории было холодно, отопление в старом здании работало через раз.

— Помнишь ту лекцию про алтайскую находку? — Она не отрывала взгляда от монитора. — Наш старый знакомый череп из Разбойничьей пещеры. Ты тогда спорил, что это волк.

— И что? — Андрей поставил кофе, наклонился к экрану. От него пахло снегом, табаком и чем-то тёплым, звериным — возможно, шерстью его собственного пса, дворняги Грома, который ждал внизу, в машине.

— А я утверждала, что это собака, — продолжила Аня. — Оказалось, мы оба ошибались.

— Как это?

— Это не волк и не собака. Это — *начало*. Линия, которая вымерла. Неудавшийся эксперимент эволюции. Но в ней было что-то, что передалось дальше. Мутация... — Она замолчала, вглядываясь в нуклеотиды. — Андрей, я нашла этот же код у гренландских ездовых.

Он присвистнул.

— Таймырская история?

— Именно. Тот самый волк, который не был предком. Который спаривался с кем попало, когда вымирал. Его гены живут в хаски и самоедах. *Вымершая линия не исчезла. Она спряталась в собаках.*

— Это красиво, — тихо сказал Андрей.

— Это наука, — поправила Аня, но уголки губ дрогнули.

За окном метель усилилась. Москва затягивалась белым саваном, и в этом холоде, в этом снеге, было что-то первобытное — как будто последний ледниковый максимум вернулся на несколько часов, чтобы напомнить: всё началось со льда.

Анна пододвинула клавиатуру и начала набирать письмо. Тема: «Проект „Дружок“». Нужны: археолог, зоопсихолог, этолог. Место встречи — кафедра, завтра, 10:00. Будут споры, кофе и, возможно, сенсация».

За 40 000 лет до этого письма, на Алтае, в пещере, где ветер выл так же, как за окнами лаборатории, умирал волк.

Он не был ни серым, ни белым, ни чёрным. Его шерсть отливала цветом сухой степи, а зубы — те, что сохранились в вечной мерзлоте — были мельче волчьих, но крупнее, чем у тех, кого позже назовут собаками. Он прожил короткую жизнь, полную голода, драк и странного соседства с двуногими, которые бросали ему обглоданные кости мамонтов.

Через тридцать три тысячи лет его череп найдут археологи. Никто не сможет точно сказать: волк это был или собака. Генетики расшифруют его митохондриальную ДНК и обнаружат нечто, что заставит их замереть перед мониторами.

Этот зверь не был ничьим прямым предком.

Но он был началом.

Его звали Дружок.

Не потому, что кто-то дал ему это имя. Просто когда через тысячелетия люди будут рассказывать историю первого пса, они назовут его именно так — тем словом, которое на древнем языке значило «тот, кто рядом» ещё до того, как язык возник.

Часть первая: Дивергенция

Глава 1. Мороз и молодые учёные

На следующий день в аудитории 310 Второго гуманитарного корпуса МГУ пахло старыми книгами, мелом и отчаянием. Отопление снова выключили. Десять утра, а за окном серый рассвет, снег идёт стеной, и Ленинские горы превратились в Арктику.

— Это что, заседание научного кружка «Собаки и люди»? — спросил Сергей Морозов, археолог, вваливаясь в аудиторию с рюкзаком, из которого торчала кисть для раскопок — он только что с практики в Крыму, даже не успел разобрать вещи. Ему было двадцать пять, но борода делала его похожим на тридцатипятилетнего, а глаза — вечно удивлённые — на под-ростка.

— Хуже, — сказал Андрей, попивая уже остывший кофе. — У Ани навязчивая идея. Она хочет написать большую статью о происхождении собак. С палеогеномикой, археологией, этологией и психологией. Мультидисциплинарный удар.

— Звучит как защита докторской на триста страниц, — усмехнулся Сергей, стряхивая снег с куртки. — Я за. Только где мы возьмём психолога?

— Уже взяла, — раздался голос с порога.

Две девушки вошли, отряхиваясь. Высокая, русая, в огромном пуховике — Елена Белозёрова, зоопсихолог, однокурсница Ани, специалист по социальному обучению у канид. За ней — миниатюрная, черноволосая, с живыми быстрыми глазами Марина Туманова, этолог. У Марины под мышкой крутился йоркширский терьер по кличке Цезарь, одетый в вязаный свитер.

— Вы только посмотрите на этого пса, — простонал Андрей. — Мы будем изучать диких волков, а ты притащила комнатную собачку, которая боится снега.

— Цезарь — экспериментальный образец, — парировала Марина. — Он представляет конечную точку одомашнивания. Дегенеративную, если угодно. Но полезную для сравнения.

Цезарь чихнул и спрятал нос под мышку хозяйки.

Аня разложила на столе распечатки. Шесть листов — результат вчерашней ночной работы. На первом — филогенетическое дерево канид с временем расхождения 27 000—40 000 лет назад.

— Итак, коллеги, — начала она, постучав пальцем по графику. — У нас есть проблема. Собака была одомашнена раньше, чем любые другие животные. Раньше коз, овец, свиней. Раньше земледелия. Почему? Как? Зачем охотнику-собирателю каменного века приручать крупного хищника — конкурента, угрозу для детей?

— Может, он взял волчонка и вырастил, — пожал плечами Сергей. — Такие случаи известны у современных охотников.

— Это миф, — резко сказала Елена. — Взрослый волк, выращенный с щенячества, не становится ручным. Он остаётся волком. Несколько поколений селекции — да, но первый шаг не мог быть «давайте возьмём волчонка». Слишком опасно.

— Тогда как? — спросила Марина, усаживая Цезаря на колени.

— Свалки, — сказал Андрей. Он встал и подошёл к доске. — Самовольный комменсализм. Волки пришли к стоянкам людей за отбросами. Те, кто были смелее и менее агрессивны, получили доступ к еде. Те, кто агрессивны — были убиты. Естественный отбор на миролюбие.

— Но это не объясняет *начала*, — Аня покачала головой. — Чтобы началась селекция, нужна исходная вариация. Мутация. Может быть, одна мутация, которая изменила реакцию страха.

Она написала на доске: *WBSCR17*.

— Ген, который у людей связан с синдромом Вильямса — гиперобщительностью, отсутствием страха перед незнакомцами. У собак в этом регионе — отбор. Наши предки, сами того не зная, отбирали волков с «синдромом Вильямса».

В аудитории стало тихо. Слышно было только, как снег скребёт по стеклу.

— Это гипотеза, — нарушил молчание Сергей. — Но её можно проверить. Где взять древнюю ДНК волков с нужным полиморфизмом?

— Здесь, — Аня достала из папки распечатку. — Алтайская собака. Разбойничья пещера. 33 500 лет назад. Я нашла в её геноме следы — не полную мутацию, но предпосылку. А ещё есть Бонн-Оберкассель, 14 200 лет назад, где собаку похоронили рядом с человеком.

— Охрой, — добавил Сергей. — Я помню эту публикацию. Красная охра — ритуальный пигмент. Человек того времени не хоронил просто так животных. Только важных людей... и эту собаку.

— Итак, — Аня обвела взглядом коллег. — Мы собираем данные. Андрей — палеонтология, морфология черепов. Сергей — археологический контекст, захоронения, культурные слои. Елена — поведение, окситоцин, привязанность. Марина — этология, сравнительный анализ волк—собака. И я — генетика, древняя и современная.

— А финансирование? — спросила Марина.

— Я договорилась с грантовым отделом. Нам дали небольшую лабораторию в старом крыле и доступ к секвенатору. Выезды — за свой счёт, но у меня есть знакомая в Германии, в институте Макса Планка, она может помочь с образцами.

— Идеальный мир, — фыркнул Сергей. — В котором мы работаем бесплатно, но за идею.

— За идею, Серёжа, — улыбнулась Аня. — И за то, чтобы понять, как мы стали людьми... не без помощи собак.

Она посмотрела на Андрея. Он смотрел на неё.

Цезарь зевнул и заснул на руках Марины.

Глава 2. Последний ледниковый максимум — и наши дни

Вечером того же дня Андрей и Аня остались в лаборатории. Метель стихла, но мороз окреп. Термометр за окном показывал минус двадцать три. Внутри, благодаря двум масляным радиаторам, было плюс пятнадцать.

— Как думаешь, — спросил Андрей, разглядывая 3D-модель черепа плейстоценового волка на экране, — каково это было — жить тогда, 27 000 лет назад? Когда ледник доходил до широты Москвы? Когда мамонты ходили по этой самой земле?

— Холодно, — Аня подошла к окну, прижалась лбом к стеклу. — Голодно. Смертельно. Средняя продолжительность жизни — двадцать пять лет. Каждая беременность — риск. Каждая охота — лотерея.

— И ты предлагаешь, что в таких условиях люди *случайно* начали дружить с волками?

— Не дружить. Сотрудничать. Волки лучше охотятся на крупную дичь. Их нюх и слух недостижимы для человека. А люди — у них есть копыта и стратегия. Вместе они могли загнать мамонта. По отдельности — нет.

— Но для этого нужна координация. Взаимопонимание. Взгляд, который читается без слов.

Аня повернулась от окна. В полумраке лаборатории её лицо казалось вырезанным из кости.

— Окситоцин, — сказала она. — Гормон, который вырабатывается у матери при взгляде на ребёнка. И у собаки, когда она смотрит на хозяина. У волка — нет. Или почти нет. Мы сами, отбирая собак, создали этот механизм.

— Или он возник сам. Как побочный эффект отбора на миролюбие.

— Или так.

Они замолчали. Мороз за окном рисовал узоры на стекле — дендриты льда, напоминающие филогенетические деревья.

— Аня, — Андрей сделал шаг к ней. — Я хочу тебя кое о чём спросить. Не о науке.

— О чём?

— Завтра мы едем в Дарвиновский музей, посмотреть коллекцию черепов плейстоценовых псовых. Там будет скучно и пыльно. Но вечером я хотел пригласить тебя в кафе. То, на Профсоюзной. С гигантскими пирожными и паршивым кофе.

— Ты предлагаешь мне свидание? В перерыве между изучением эволюции? — В её голосе дрогнула усмешка.

— Я предлагаю тебе гипотезу. Которую нужно проверить эмпирически.

— Окситоцин?

— Возможно.

Она подошла к нему, взяла за руку. Ладонь была холодной.

— Давай сначала изучим черепа, — сказала она. — А потом — кафе.

За 27 000 лет до этого свидания — в точно такой же декабрьский вечер, только без окон, без домов, без тепла, кроме костра из костей мамонта, — у края стойбища сидел волк.

Он не был другом. Он был падалицником. Он пришёл за костями, которые люди бросили за внешний круг шатров. В зубах у него был обломок бедренной кости с остатками сухожилий.

Из темноты на него смотрели двое мужчин с копытами.

Обычно в такой момент волк бежал.

Но у этого — мутация в гене, который отвечает за реакцию страха. Адреналин не ударил в кровь. Вместо этого — любопытство. Запах дыма. Запах жареного мяса. И — странное, необъяснимое желание подойти ближе.

Он сделал шаг вперёд.

Никто не бросил копье.

Так началось разделение.

Глава 3. Лаборатория №407 и спор о мутациях

Через неделю группа собралась в новой лаборатории — в старом крыле биологического факультета, где пахло формалином и вечностью. Помещение было тесным: два стола, секвенатор (подержанный, но работающий), холодильник с образцами, старый диван, на котором спали по очереди.

Сергей привёз из Крыма не артефакты, а таблетки с какао — единственное, что можно было найти в круглосуточном магазине.

— Итак, — начал он, разливая горячий напиток по пластиковым стаканчикам. — Я посмотрел базы данных археологических находок канид. Самые ранние бесспорные собаки — Бонн-Оберкассель, 14 200 лет. Но есть спорные — Алтай, Предмостье, Костёнки. Вопрос: где произошло одомашнивание? Европа, Азия или Ближний Восток?

— По генетическому разнообразию — Восточная Азия, — сказала Аня. — У тамошних дворняг самое большое число уникальных гаплотипов.

— Это может быть следствием того, что европейские собаки прошли через бутылочное горлышко в викторианскую эпоху, когда создавались породы, — возразил Андрей. — Селекция уничтожила древнее разнообразие. В Китае собак не селекционировали целенаправленно до последнего времени.

— Тогда смотрите, — Сергей развернул карту на столе. — Древнейшие собачьи кости — Европа. Алтай — это переходная форма, но не собака. Ближний Восток — земледелие началось там, а собаки уже были. Может, одомашнивание произошло в двух-трёх местах независимо?

— Независимое одомашнивание — это сложно, — вмешалась Марина, не выпуская из рук чашку. — Поведенческие черты, которые мы видим у собак, очень специфичны. Снижение агрессии, неотения, способность к чтению человеческих жестов. Для того чтобы все эти признаки сошлись в одном животном, нужны тысячи лет отбора. Если бы было два независимых центра, мы бы видели собак с разным набором черт. Но мы видим одни и те же изменения везде.

— А если это была одна популяция волков, которая распространилась с людьми по всей Евразии, а потом локально скрещивалась с местными волками? — предположила Елена. — Так и возникает иллюзия множественных доместикаций.

— Гибридизация, — кивнула Аня. — Это всё объясняет. Предки собак отделились от волков 27—40 тысяч лет назад где-то в Евразии. Затем они двинулись за людьми. В Европе — скрестились с европейскими волками, в Азии — с азиатскими, в Арктике — с таймырскими. Получилось то, что мы имеем: собака — это причудливый коктейль из нескольких волчьих линий, включая вымершие.

— Как тот самый таймырский волк, — сказал Андрей. — 3,5% у гренландских собак.

— А у хаски? — спросил Сергей.

— Тоже есть, но меньше. У лайки — почти нет.

Цезарь, сидевший на руках у Марины, вдруг насторожил уши и заворчал на дверь. Через минуту в лабораторию ввалился завкафедрой, профессор Зимин, с пачкой бумаг.

— Молодые люди, — сказал он, оглядывая бардак. — Вы тут спасаете мир или просто пьёте какао?

— И то, и другое, — ответил Андрей.

— Добро. Но секвенатор обещают забрать на профилактику через неделю. Так что потопитесь с образцами. — Он положил на стол разрешение на работу с древней ДНК. — И не подожгите здание.

Как только профессор ушёл, Аня схватила пробирки.

— У меня есть материал — кусочек челюсти собаки из Бонн-Оберкассель, попросила в немецком музее. Пришлют на днях. А пока — работаем с современными породами. Елена, ты отвечаешь за поведенческие тесты. Марина — за видеоанализ социальных взаимодействий. Андрей, твоя задача — найти морфологические маркеры доместикации в черепах. Сергей — копаемся в литературе по палеолитическим стоянкам.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.